

Изотова Яна Петровна, кандидат филологических наук, доцент
кафедры теории, истории и методики преподавания русской
литературы АлтГПА

**«Стихийное явление отрицательного порядка»: об авторской
интерпретации разбойничьего мотива в романе В. Я. Шишкова «Ватага»**

Роман В. Я. Шишкова «Ватага» принято считать малоизученным произведением. Настоящий факт, вероятно, объясняется тем, что в многочисленных отзывах критиков вплоть до 60-х годов 20-го столетия писатель обвинялся в поэтизации стихийности, и это повлекло в соответствии с советской системой ценностей в отношении «Ватаги» некоторую «литературоведческую настороженность». Позже исследователи сопоставляли роман «с направлением творчества Джойса, Пруста и Кафки, а также с «Красным смехом» Л. Андреева, «Пещерой» Замятина, ремизовскими «изысканиями» [13, с. 297-298]. «Ватага» прочитывается и как роман-предупреждение. По мнению павлодарского ученого Товчегречко Е. В., «роман-предупреждение – это синтез традиций антиутопии и социальной фантастики» [12]. В статье «Роман-предупреждение» в системе литературных жанров антиутопического направления русской литературы» он утверждает: «роман-предупреждение есть не что иное, как следствие жанра «предсказания», а в глобальном масштабе – жанра «пророчества», которые были более широко представлены и известны в истории русской литературы XIX века» [12]. В литературе Алтая опыт написания произведения этого жанра принадлежит современнику писателя - Г. Д. Гребенщикову (роман «Братья Чураевы»).

Однако по поводу жанровой принадлежности «Ватаги» есть и другое мнение. Так, Н. Лейдерман причисляет «Ватагу» к метажанру – «поэме в прозе» 1920-х годов, ставя в один ряд с такими произведениями, как «Бронепоезд 14-69» Вс. Иванова, «Пережной» Л. Сейфуллиной, «Антон Непутевый» А. Неверова («выброс» целого букета напряженных, кипящих страстями, ошеломительно ярких прозаических произведений» [8, с. 243]).

Итак, была ли идея создания романа-предупреждения концептуально значимой для Шишкова, всегда внимательно относившегося к творчеству Е. Замятина, лично знавшего автора романа «Мы», или на исследовательское мнение повлиял «общий пересмотр» литературы соцреализма? В связи с попыткой ответить на вопрос, касающийся идейного содержания

шишковского романа, представляется весьма справедливым рассмотрение функционирующего в «Ватаге» разбойничьего мотива - доминантного, обладающего способностью «стягивать» авторские смыслы.

Разбойничий мотив получил развитие в романе, что обусловлено ведущей темой произведения, его названием. Занявший прочное место в русском фольклоре, ставший «сибирским мотивом», он обрел своеобразную авторскую интерпретацию в романе писателя-сибиряка. Обращение к этому мотиву, полагаем, не было случайным: известный своей планомерной собирательской деятельностью, Шишков в экспедиции на реке Нижняя Тунгуска в 1911 году записал свыше 80 разных по составу народных песен, среди которых, как указывает В. Н. Кочетов, автор монографии «В. Я. Шишков и устное народное поэтическое творчество» [6], были и разбойничьи. Исследователь подчеркивает, что Шишков в своих произведениях из песен «чаще всего использует солдатские, разбойничьи, бурлацкие, песни социального протеста», однако «в одинаковой степени широко обращается к эпическим и прозаическим жанрам фольклора» [6, с.19].

Благодаря разбойничьему мотиву, на наш взгляд, происходит полное раскрытие образа главного героя – Зыкова, говорящая фамилия которого косвенно указывает на принадлежность к разбойникам. «Зыкать – издавать зык, звук, гул <...>; кричать <...>, гаркать, вопить, аукать; <...> орать песни, драть горло [2, т. 1, с. 697]. В словаре В.И. Даля приводятся выражения «лес зычит от пальбы; здесь такое место, что зык (эхо) отдается» [2, т. 1, с. 697]. Вызывает любопытство то, что фамилия «Зыков» происходит «из отчеств от **нехристианских имен** (выделено мной – Я. И.) или прозвищ **Зыка** или **Зык**, в основе которых лежит нарицательное **зык**, означавшее в древнерусском языке и во многих говорах «звук, шум, гул, крик» (ср. современное **зычный**); **зыкало** – «тот, кто громко кричит, ревет» [1, с. 221]. Главный герой произведения ведет себя не как командир партизанского отряда, а как ватаг, то есть «атаман», предводитель шайки, толпы. Он «ватажит», собирает толпу для защиты народных интересов. «Ватага - дружная толпа, шайка, артель; временное или случайное товарищество, для работ, для попутья и пр.» [2, т. 1, с. 176]. В словаре В. И. Даля приводится пример словоупотребления «ватаги»: «разбойничья ватага». Шишков слово «ватага» использует в почти оксюморонном сочетании – «партизанская ватага» (вместо «партизанский отряд»): «...когда показался Зыков, партизанская ватага заорала во всю глотку «ура» и три сотни шапок высоко прошили воздух» [14, с. 93].

Имя Зыкова – Степан – совпадает с именем Степана Разина, разбойника с государственной точки зрения, исторические песни о котором активно создавались в 17-м веке. «**СТЕПАН**, церк. **Стефан**, разг. **Стенька**, сокр. **Степа** –из греч. *Стефанос*: *стефанос* - венок, венец, корона, диадема; диадема – атрибут Геры» [11, с. 307]. Таким образом, имя «Степан» как нельзя лучше подходит партизанскому главарю, возмнившему себя почти царской персоной. Как известно, 16, 17, 18 века – время наибольшего распространения в России разбойничества. Фамилия «Разин» двусложностью и начальной буквой напоминает фамилию сибирского атамана Рогова – прототипа Зыкова, учинившего кровавую бойню в Кузнецком округе Томской губернии в 1919 году (роман впервые вышел в 1924 году в альманахе «Наши дни»). Отчество героя романа Зыкова, Варфоломеевич, тоже созвучно отчеству Степана *Тимофеевича* Разина, кроме того, служит косвенным указанием на его избранность: «**Варфоломей** <...> - *сын Толомея, или сын радости (евр.)*» [10, с. 31]. И это, полагаем, не случайно: создавая «Зыкова», Шишков переосмысливает песенный фольклорный образ Стеньки Разина. Фамилия «Зыков» встречается также в одной из легенд Горной Колывани, отразившей вольнолюбивые народные взгляды, – «Про колыванского змея и братьев Белоусовых» [9, с. 31]. Имя партизанского вожака совпадает с именем неуловимого беглеца Сороки - народного защитника из легенды, широко известной на Алтае и в Кузбассе [16], что служит развитию бунтарской темы. Согласно легенде о том, как «стал Степан неуловимым беглецом Сорокой» [16, с. 10], пули его не берут. Он их руками ловит и назад отправляет в того, кто стрелял» [16, с. 10]. Образ Зыкова в романе за счет авторского тяготения к использованию горно-заводского фольклора выглядит романтическим: «подневольный человек становится вольным, способным совершать романтические поступки» [9, с. 13]. Показательным оказывается диалог в «Ватаге» Зыкова с Гараськой, отсылающий к легенде «Беглец Сорока» в записи М. И. Юдалевича.

«Дорогой, посматривая на широкие плечища Зыкова, Гараська спросил:

- А правда ли, Зыков, что тебя и пуля не берет?

- Правда. Ни штык, ни пуля, ни топор» [14, с. 33].<...>

- Быд то тебя летом окружили чехо-собаки, в избе быд то, а ты взял в ковш воды, сел в лодочку да и уплыл. Старухи сказывали.

- Врут. Это другие разбойники так дельвали. Стенька да Пугач» [14, с. 33]

Маркером «сорока» в описании природы после вышеуказанного диалога («Сорока волнообразно пересекла долину и с вершины елки задрознилась» [14, с. 33]) Шишков акцентирует внимание на сходстве Зыкова с беглецом из народной легенды: «Солдаты многих беглецов ловили, а Степана долго поймать не могли. Он с дерева на дерево перескакивал, через реку перелетал. Наконец один раз захватили его спящим в лесу. Теперь, говорят, мы тебя казним. Степан ничего не ответил, только спросил воды напиться. Принесли ему воды в березовом ковше. Он три глотка сделал, в сороку превратился, в ковш нырнул – и исчез» [16, с. 10].

Однако «сверхъестественные» зыковские качества (неуловимость, небывалая сила) вполне могли быть «почерпнуты» автором и у других фольклорных персонажей, переосмысленных Шишковым, таких, как братья Белоусовы с Горно-Колыванского завода, беглец Криволицкий, Селезень-беглец, Сиротка (см. легенды «С водой ушел», «Камень ворочали», «Сиротка» и др. [9]). К источникам фольклорного контекста романа можно отнести легенду о Криволицком «Поминай добром» [9, с. 26]:

«Раз Криволицкий в дом заходит. Хозяин с хозяйкой за столом сидят. Криволицкий говорит:

- Ну, Авдотья, собирайся, поедем.

Она мужа бросила - и за ним! Хозяин слова не сказал, из-за стола не вышел<...>».

Зыков в романе столь же бесстыдно, на глазах у хозяина соблазняет его жену Степаниду, которая любит «как сумасшедшая» [14, с. 131] и «бросает» мужу отчаянное признание: «Хошь печенки из меня все вымотай да изрежь – люблю Зыкова! люблю, люблю, люблю, корявый черт!» [14, с. 101-102].

Возможности аналогии есть и с легендой, бытовавшей на Салаирских рудниках и заводах, - «Копил для бедных» из сборника А.А. Мисюрева, в которой повествуется о предательском убийстве Сороки. «Сороку убил Кадилов Михайла. Сорока возьмет у казны и везет к Кадилову-пасечнику прятать. Он его медовухой напоил. Напоил шибко, убил сонного, камни привязал к ногам и к шее, спустил в прорубь» [9, с. 56]. Схожая ситуация в финале романа «Ватага», где действие происходит на заимке, осложнена наложением образа «обманутого мужа»: предательство Терехи объясняется не сребролюбием, а чувством отчаяния только что потерявшего по вине Зыкова жену человека.

«Из лесу выбежал Тереха Толстолобов, он остановился, вильнул взглядом туда-сюда и, сразу все поняв, бросился к бане:

- Что, Зыкова добываете? Бейте его, варнака! Жгите его!.. Через него баба моя задавилась... Ой-ты!

Он шатался как пьяный, весь был дик, походил на лишившегося рассудка.

- Тащи соломы да хворосту! Чего слюни распустили? – щелкая зубами и воя, кричал он» [14, с.135].

Таким образом, можно утверждать, что основным источником «фольклорного контекста» романа являются местные горно-заводские легенды.

Согласно историческим данным, повод для пролития крови «в защиту бедных и обиженных» [14, с.16] в Кузнецком округе был. Так, в работе Е. А. Дегальцевой «Образ жизни сибиряков во второй половине XIX–начале XX в.» [3] сообщается о развращенных нравах, роскоши и расточительстве кузнецких и барнаульских чиновников горного ведомства. «Безудержная щедрость, - пишет Е. А. Дегальцева, - соседствовала с крайней скупостью, грубые манеры с душевной добротой, гостеприимство с осторожностью, замкнутый индивидуализм с необходимостью жить в «мире» [3, с. 28]. Кроме того, сама обстановка в Сибири способствовала проявлению тяги к воле. Представление социально-психологического портрета сибиряка, по словам С. М. Козловой, не было бы полным без упоминания такой региональной черты, как бунтарство: порубежье притягивало в Сибирь людей амбициозных, ищущих, вытолкнутых, демонстрирующих «готовность к «греху» [5, с. 27].

Ряд образов в шишковском романе имеет прямые значения разбойничества, что свидетельствует о стремлении автора наиболее емко выразить сущность анархической «ватаги». И в этом ряду наиболее значим образ главаря бунтарей Зыкова, которого характеризуют как разбойника разные персонажи.

«Зыков бандит, палач, враг Советской власти» (Мигунов); «Зыков волк, рвач» (отец Петр); «Степан Варфоломеич, а ты брось разбойство-то» (Тереха Толстолобов); «Христопродавец...Тать кровожадная...» (голоса из народа) и др.

Значение разбойничества в образе Зыкова усиливается за счет традиционно сложившегося представления о Разине, Пугачеве (заметим, что «народ в

своих песнях называл Пугачева родным братом Разина» [6, с. 37]) и разбойниках как «персонажах» родственников.

В контексте романа среди «разбойников» особую значимость приобрели образы Наперстка, Срамных, Гараськи, «отпетых» людей из окружения Зыкова с преступным прошлым. Так, Наперсток, получивший «в разбойных делах мету» [14, с. 53], о себе говорит: «Я – атаман... Топор эвот! Грабить, ребята, будем» [14, с. 56]. Наперсток-палач - исполнитель жестокой казни протопопа, убийца Андрона Ерданского, которого «рыча и влаивая кромсает топором», виновник гибели Зыкова. Срамных (говорящая фамилия от «сором, срам – стыд, позор, поруганье, бесчестье [2, т. 4, с. 275]) «дико орал какую-то разбойничью» [14, с. 75]. Похотливый Гараська признается Настасье, что он, когда работал на приисках, где «народ отпетый», «убивывал» [14, с. 50].

Мотив разбойничества выражен и в поэтически олицетворенных образах-символах: медведь – символ стихийного бунта медвежьего крестьянского царства [14, с. 6]; топор Наперстка – символ кровавой бессмысленной жестокости. Формированию настоящего мотива способствует и упоминание такого топонима, как Майма («Эвот в Майме колокольню, сказывают, сковырнул» [14, с.112]) - места заточения преступников. В Майме в начале XX столетия был острог (до настоящего времени сохраняется известная в Сибири Майминская зона). Показательно, что сам город Кузнецк, где происходит основное действие романа, - тоже место «великого» острога, известного «на всю Сибирь», о чем сообщается, например, в повести А. А. Мисюрева «След беглеца Сороки».

Говоря о раскрытии образа Зыкова путем введения в роман разбойничьего мотива, нельзя не обратить внимания на кажущееся несоответствие в выборе героя В. Я. Шишковым: разбойником, атаманом представлен не кто иной, как старообрядец. Рогов Георгий Федорович (1883-1920), активный участник партизанского движения на Алтае, считающийся прототипом Зыкова, согласно историческим данным, старообрядцем не был. Уроженец села Жуланиха (ныне Заринского района), «при царе подрядчик при постройке церквей, в германскую войну – подпрапорщик и георгиевский кавалер» [13, с. 300], он проживал в Барнауле, будучи избранным членом губземуправы, примыкал к эсерам. Случайно оказавшись в своей деревне в мае 1918 года во время контрреволюционного переворота, он вместе с легендарным героем гражданской войны на Алтае М. И. Ворожцовым (Анатолием) к концу 1919 года руководил 10-тысячным отрядом. После раскола в отряде, вызванного

политикой анархиста Новоселова, двухтысячное войско роговцев захватило Кузнецк. «24 декабря 1919 за бесчинства, допущенные в Кузнецке, отряд Рогова, находившийся под Щегловском (ныне г. Кемерово), был разоружен, а сам он вместе с Новоселовым арестован» [15, т. 2, с. 309-310]. Писатель Владимир Зазубрин в 1925 году «побывал в том самом Кузнецке, где действовал Рогов, выведенный у Шишкова Зыковым. Он нашел одного из «роговских партизан», собственноручно вместе с женой распиливавшего людей» [13, с. 300]. По свидетельству участника событий, «из четырех тысяч жителей Кузнецка две тысячи легли на его улицах. Погибли они не в бою. Их, безоружных, просто выводили из домов, тут же у ворот раздевали и зарубали шашками. Особо «именитых» и «лиц духовного звания» убивали в соборе» [13, с. 300]. Тем не менее, после случившегося партизанские лидеры получили свободу, а Рогову даже предлагали руководящие должности в губернских организациях. «2 мая 1920 Рогов и Новоселов подняли антисоветское восстание в Причумышье под лозунгом «Долой всякую власть, да здравствует анархия – мать порядка!» Но крестьяне не поддержали его. Восстание было подавлено частями Красной Армии и коммунистических отрядов. 3 июля 1920 Рогов, при попытке ареста в деревне Евдокимовой, застрелился» [15, т. 2, с. 310].

Для писателей Алтая начала XX века старовер – герой знаковый, к нему в своих произведениях обращаются и Г. Гребенщиков, и А. Новоселов, и В. Шишков. «Интерес областников к старообрядцам связан с их руссоизмом, с ожиданием «не машинного» развития Сибири» [4, с. 103]. По всей видимости, Шишков еще искал авторитетную фигуру в Сибири, героя, способного объединить «отпетых» людей силой характера и идеей. И эту роль в «Ватаге» отвел староверу. Однако автор счел возможным выключить историческую фактичность из плана своей работы [14, с. 6], обратившись при создании произведения к «социальной фантастике». Старообрядцы, как известно, во все времена отличались своей консервативностью, приверженностью традициям, устоям, тем более верующие «старого толку», о которых идет речь в романе. «Исследователи конца XI – начала XX веков Д. Н. Корнатовский, Г. Д. Гребенщиков и др. – часто употребляют по отношению к старообрядческому семейному быту термин «патриархальный», а главу семьи именуют «патриархом» [7, с. 226]. «Власть «патриарха» над домашними была абсолютной, даже если его сыновья уже сами имели внуков» [7, с.27]. Зыков «встал против отца», что, в принципе, маловероятно: даже «прямой» взгляд на родителя считался вызовом. В таком случае он мог быть отвергнут не только собственным отцом, но и всем

родом. «Надругательство» над церковью старообрядцы вряд ли могли учинить. Они наказывались «своими» даже за недосмотр, если церковь оказывалась погубленной. Удивляет и описание неправдоподобно бурной личной жизни Зыкова. «В традиционной системе ценностей старообрядчества, - пишет И. В. Куприянова, - семья занимала и продолжает занимать в настоящее время одно из первых мест [7, с. 225]. При наличии законной супруги, Зыков имеет любовные отношения еще с двумя женщинами, из которых одна – жена «закадычного друга Терехи Толстолобова» [14, с. 98]. Так, трагедия на заимке - развязка любовного конфликта, участником которого оказался представитель благочинной веры. Герой в романе только назван старообрядцем, однако ведет себя вопреки старообрядческим догматам, нарочито «грешит»: прелюбодействует, злоупотребляет спиртным, совершает убийства. Смысл столь явного «неправдоподобия», утрирования в изображении главного героя и событий с его участием - в постановке автором острых социальных и духовных проблем: если бесчинствует в кровавом экстазе самая богобоязненная, устойчивая в своей вере часть населения, то гибель «новой» России предрешена. «Пять глав романа посвящено описанию практики устрашения, кровавой бойни с такими оттенками и подробностями, что натурализм отталкивает. Здесь чувство меры подводит Шишкова, спустя годы он начнет работу над новой редакцией «Ватаги», видимо, утихомиривая ее «жареные трупы», кровавую слизь, на которой разъезжаются сапоги персонажей» [13, с. 296].

Итак, основная функция разбойничьего мотива в романе, на наш взгляд, - раскрытие образа главного героя. Однако есть и другая функция присутствия настоящего мотива: за счет него создается эмоциональный фон событий произведения. Разбойничество привлекательно для романтиков, и авторская рефлексия по поводу разбойничества в «Ватаге» направлена на постижение смысла бунта, народной трагедии. Герой-разбойник неизбежно вызывает восхищение романтиков своей смелостью, непредсказуемостью, стремлением к воле. Так, разбойничий мотив добавляет произведению лиризма. Традиционно-романтический образ разбойника получает движение в «Ватаге», чем Шишков придает повествованию глубоко личный, задумчивый оттенок. Добавлением лиризма Шишков смягчает свою позицию по отношению к послереволюционному «беспределу». Основываясь на народной точке зрения (многочисленные народные песни о Разине, Пугачеве проникнуты нескрываемой симпатией к «разбойникам»), автор проявляет сочувственное отношение к Зыкову, усматривая в нем свобододлюбивого

удальца, способного временами на порывы великодушия (любовная линия Зыков – Таня Перепреева). **За счет разбойничьего мотива в «Ватаге» возникает определение сюжетного поворота** (3-я функция – Я. И.). Сюжетное действие перекликается с «Капитанской дочкой» А. С. Пушкина, автора разбойничьего романа «Дубровский». Как и в классическом разбойничьем романе, в центре повествования находится «благородный разбойник» Зыков, поставивший себя вне закона. Рассмотрение образов, сформировавших разбойничий мотив, позволило выделить в шишковском мировоззрении две ипостаси. С одной стороны, это взгляд представителя народа, регионального писателя, переживающего за судьбу сибиряков. «Трагедия зыковщины – в самых ее мятущихся, хаотических, неорганизованных недрах» [14, с. 7], - пишет Шишков в предисловии к роману. С другой стороны, его наполняет философский смысл носителя высокой культуры, не согласного с любыми проявлениями жестокости на государственном уровне: «бунтарство, вылившееся в своеобразную форму сибирской пугачевщины, заинтересовало автора как стихийное явление отрицательного порядка» (выделено мной – Я. И.) [14, с. 6].

Шишков не может в 1923 году, в относительно спокойный период НЭПа, выразить отношение к революционному разбою молодой советской власти прямо. Через разбойничий мотив он доносит до читателя мысль о том, что даже локальный бунт влечет появление на поверхности общества «горючей накипи» [14, с. 7], несущей в массе непоправимые человеческие разрушения. Потому в «Ватаге» столь сильна тема «предупреждения»: в результате «стихийного бунта медвежьего крестьянского царства» [14, с. 6] в стране может быть то же, что и в описываемом городе Кузнецке, - «Анархия! Разбой!»

Литература:

1. Ганжина, И. М. Словарь современных русских фамилий / И. М. Ганжина. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2001. – 672 с.
2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Русский язык, 1978–1980.
3. Дегальцева, Е. А. Образ жизни сибиряков во второй половине XIX–начале XX в. / Е. А. Дегальцева. – Барнаул, 2005.
4. Казаркин, А. П. Проза Сибири в XX веке / А. П. Казаркина // Сибирь в контексте мировой культуры. Опыт самоописания: Коллективная монография. – Томск: АНО «Издательство «Сибирика», 2003. – С.97-119.

5. Козлова, С. М. «Тайжане» В.Я. Шишкова и «чудики» В.М. Шукшина: к проблеме сибирского характера / С. М. Козлова // Шукшинские чтения: феномен Шукшина в литературе и искусстве второй половины XX века: сборник материалов музейной научно-практической конференции 1-4 октября 2003г. / Всероссийский мемориальный музей-заповедник В.М. Шукшина. – Барнаул, 2004. – С.25-32.
6. Кочетов, В. Н. Шишков и устное народное поэтическое творчество / В. Н. Кочетов. – М., 1981.– 65 с.
7. Куприянова, М. В. Старообрядцы Алтая в первой трети XX века: [монография] / М. В. Куприянова. – Барнаул: Изд-во АлтГАКИ, 2010. – 247с.
8. Лейдерман, Н. Кровавый карнавал / Н. Лейдерман // Вопросы литературы. – 2008. – № 5. – С. 241-267.
9. Мисюрёв, А. А. Легенды Горной Колывани / А. А. Мисюрёв; сост. А. М. Родионов. – Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1989. – 294 с.
10. Олейникова, Т. С. Твое православное имя / Т. С. Олейникова.- 2-е изд.– М.: ДАРЪ. – 448 с.
11. Суперанская, А. В. Словарь русских личных имен / А. В. Суперанская.– М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 544 с.
12. Товчегречко, Е. В. «Роман-предупреждение» в системе литературных жанров антиутопического направления русской литературы / Е. В. Товчегречко. – Режим доступа: [http // www. rusnauka.com/ 10 _ NPE_210 \(...\) 62688. doc.htm](http://www.rusnauka.com/10_NPE_210(...)62688.doc.htm).
13. Черкасов-Георгиевский, В. На стрежне Угрюм-реки: Жизнь и приключения писателя Вячеслава Шишкова: Роман / В. Черкасов-Георгиевский – М.: ТЕРРА, 1996. – 448 с.
14. Шишков, В. Я. Чуйские были: Роман, очерки, рассказы / В. Я. Шишкова. – Барнаул: Алт. кн. изд., 1986. – 496 с.
15. Энциклопедия Алтайского края: в 2 т. – Барнаул: Пикет, 1997.
16. Юдалевич, М. И. Кто поймал жар-птицу и другие легенды старого Барнаула / М. И. Юдалевич. – Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1988. – 31 с.